

Н. А. КАНАЕВА

КАМАШАСТРА КАК ОСОБЕННОСТЬ ИНДУИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Современный мир разноречив. С одной стороны, он характеризуется ростом напряженности в отношениях между отдельными этносами и регионами, углублением политических разломов, идущих от одной горячей точки к другой через человеческие души и судьбы, с другой — стремлением все большего числа неравнодушных к будущему нашей планеты людей установить равноправный и продуктивный диалог двух исторически сложившихся типов культур: западной, ориентированной на научно-технический прогресс, на преобразование мира, и восточной, развивавшейся в русле древних традиций. Одной из богатейших и привлекающих большое внимание культур всегда была индийская.

Отказавшись, наконец-то, от европоцентристских и эволюционистских подходов к изучению традиционных культур, западные исследователи с удивлением обнаружили, что в духовном развитии Восток значительно опередил Запад, что на Востоке тысячелетиями по крупицам собирались знания о человеке, необходимые ему, чтобы бытийствовать в мире, чтобы сохранять изначальную гармонию с природой. Западная культура, перейдя еще в позднеантичную эпоху на ступень цивилизации, подошла в XX в. к опасной грани, за которой теперь вполне отчетливо просматривается отсутствие общества безграничного потребления, царства Разума и всеобщего равенства, зато маячат бесконечные войны, экологические, энергетические и сырьевые кризисы со всеми вытекающими из них последствиями, которыми природа расплачивается с человеком за свое покорение.

В традиционных культурах, как известно, не возникает экспериментально-математического естествознания, поставленного на службу научно-техническому прогрессу, но зато развиваются такие общественные и гуманитарные дисциплины, аналоги которых вызревают в западных культурах значительно позже. Так,

Индия по меньшей мере на 1,5-2 тысячелетия опередила Западную Европу в создании эротологии — теоретической дисциплины, освещающей важную сторону частной жизни каждого человека — сексуальную. В Древней Индии эта дисциплина получила название камагаастра, что буквально переводится с санскрита как «наука любви» или «наука о чувственных удовольствиях». Ее раннее оформление обусловлено такими особенностями мирозерцания древних ариев, которые сохраняются и по сей день в индуистском мировоззрении, сменившем примерно в V в. арийские представления о мире и составляющем душу современной индийской культуры.

Двумя ключевыми в этом смысле чертами индуистского мировоззрения стали культ тела и отношение к эротике. В зрелом индуизме так же, как в его протоформах — ведизме и брахманизме, тело человека не рассматривается как источник греха, как «темница души», нечто отвратительное, с вожделениями чего следует бороться. Напротив, человек не объединяет два разнопорядковых начата — душу и тело (как в христианстве), он — существо синкретическое и целиком является продуктом и необходимым звеном космической эволюции. Поэтому и человеческое тело понимается как явление космического порядка: человек и космос творятся из одних и тех же элементов, космические явления отражаются в жизненных циклах людей, космические и природные процессы понимаются по аналогии с событиями человеческой жизни.

Сексуальной жизни человека в системе универсума также придается космическое значение: она и необходимость, и наслаждение, и затог нормального течения космических процессов, и один из инструментов установления гармонии человека и мира. Таким образом, в индуистской культуре происходит сакрализация тела человека и сексуальной составляющей его жизни, и освящение их в свою очередь определяет совершенно особое положение эротики в культурном контексте. Об этом говорят индуистские памятники всех видов искусства. Они наглядно демонстрируют, что в отличие от христианизированной Европы

в Индии эротика никогда не была под запретом. Эротическими сюжетами изобилуют здесь произведения литературы, живописи, скульптуры, причем не только светские, но и религиозные. Эротическими образами и символикой пестрят религиозно-философские трактаты. В наиболее древнем литературном и религиозном памятнике «Ригведе» (середина 2 тыс. до н.э.), в «Гимне о творении» (X, 129. 1-7) мы находим указание на то, что причиной всего существующего стала чувственная любовь (*кама*) между сущим и не-сущим и что акт творения стал актом чувственной любви, сопровождавшимся «вождедением — внизу, усилиями — вверху».

Персонификацией любви в ведах стал бог Кама. Его называют здесь «саморожденным», вышедшим из сердца верховного бога-творца Брахмана, сыном *дхармы* и супругом веры. Образ бога Камы занимает важное место в индийском эпосе и лирике — в известных поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна», а также в собраниях мифов и легенд — *пуранах*. Там он выступает как сын богини счастья и красоты Лакшми, его супругой называется Рати (санскр. «любовная страсть»). Изображали бога любви прекрасным юношей, восседающим либо на попугае, либо на колеснице с луком из сахарного тростника, тетиву которого составляют вьющиеся пчелы, а стрелами являются пять цветов.

В брахманах (1 тыс. до н.э.), посвященных толкованию ритуалов и вед и предназначенных для брахманского сословия, то есть для интеллектуальной элиты, сплошь и рядом используются сексуальные сравнения. Например, акт зачатия, совершаемый в непосредственной близости от домашнего жертвенника с тремя священными огнями, интерпретируется как магическое отражение макрокосмических событий. Шокирующим и интригующим европейцев фактом является то, что фасады и стены известных индуистских храмов, таких как Деви Джагадамба и Паршванатх в Кхаджураго, Раджарани и Лингараджа в Бхубанешваре, а также храмов в Пури и Нагарджуниконде, украшены весьма откровенными барельефами со скульптурными изображениями влюбленных, относящимися к XI-XII вв., что во мно-

гих других храмах индуизма среди прочих святынь находятся символы мужской и женской сил (изваяния *лингама* — мужского творческого начала и *йони* — женского лона, символа природной женской энергии, способствующей проявлению мужской силы).

Сакрализация эротики в Индии сделала ее очень рано, по сравнению с другими культурами, предметом серьезного теоретического осмысления и привела к появлению специальной «науки любви» — камашастры — примерно к середине 1 тыс. до н.э. Традиция камашастры представлена большим корпусом текстов, включающим и основные сочинения, написанные в афористичной манере, и комментарии к ним. В начале нашего века исследователи насчитали около сотни названий сочинений о каме. Многие из них не сохранились и известны нам только по названиям. А. Я. Сыркин во вступительной статье к «Камасутре» приводит названия наиболее популярных сочинений¹. Самыми читаемыми из упоминаемых в этом списке, по общему признанию, являются три: «Камасутра» Ватсьяяны (III-IV вв.), «Ратирахасья» Коккока (XII в.) и «Анангаранга» Кальянамаллы (конец XV- начало XVI в.). Первый трактат переводился на русский язык, два последующие не только не переводились, но оригинала второго даже нет в российских библиотеках. Камашастре обучали в специальных школах, среди которых наибольшей известностью, по утверждению С. Ч. Упадхьяи, пользовались школы Бабхравья, Суварна- набха, Нандикешвара и Гоникапутра.

Что же представляет собой «наука любви»? Чему учит? Для ответа на первый вопрос необходимо отметить, что понятие *камы* является одним из базовых понятий индуистской культуры, одной из четырех мировоззренческих ценностей или жизненных целей, комплекс которых включает *дхарму* (буквально — «добродетель», «закон», «справедливость»), *артху* (буквально — «выгода», «польза») и *каму* (буквально — «наслаждение», «лю-

¹ Ватсьяяна Малланага. Камасутра. М., 1993. С.16-17.

бовь»). Позже к трем названным целям была присоединена четвертая — *мокша* («освобождение»), означающая отказ от активной жизнедеятельности и мирских привязанностей, достижение святости, выход за границы трансцендентального в область трансцендентного. То есть мокша является конечной жизненной целью, лежащей за пределами человеческого бытия, и в этом смысле она противостоит *дхарме*, *артхе* и *каме*.

Под *дхармой* традиционно имеются в виду многочисленные религиозные и светские обязанности, под *артхой* — все, что связано с пользой и выгодой в рамках общественной деятельности, под *камой* — все, что доставляет наслаждение любого рода: эстетическое, сенсорное или эротическое. По поводу того как совмещать в жизни следование трем названным целям, мы находим замечания в текстах Каутильи (1 в. н.э.) и Ватсьяяны. У Каутильи в его знаменитой «Артхашастре» — памятнике истории индийского права — сказано, что стремиться к *каме* нужно таким образом, чтобы это не мешало достижению *дхармы* и *артхи*. Ватсьяяна в «Камасутре» уточняет, что к *артхе* нужно стремиться в юности, к *каме* — после созревания, а к *дхарме* — в старости. Но поскольку никто не знает, сколько проживет и доживет ли до старости, все три названные цели нужно преследовать при малейшей к тому возможности². Кальянамалла вообще ставит на первое место каму, утверждая, что человек, ежедневно предающийся любви в соответствии с правилами *камашастры*, будет богат и станет образцом для подражания. Словом, выбор жизненной цели в конечном итоге остается за самим человеком, только бы он действовал в рамках этических норм и не пренебрегал ни одной из целей, поскольку «Соблюдающий *артху* и *каму* и *дхарму* и в этом мире в том обретет бесконечное, безмятежное счастье»³. Камашастра, таким образом, представляет собой этическое, жизнестроительное учение и вписывается в комплекс религиозного индуистского мировоззрения, состав-

² Ватсьяяна. Камасутра // История и культура Древней Индии. М., 1990. С.240.

³ Там же. С. 243.

ляя одну из существенных его особенностей.

Ответить на второй вопрос несколько сложнее, поскольку он, с одной стороны, требует текстуального анализа, а тексты такого рода в нашей стране представлены очень слабо. С другой стороны, в поисках ответа можно выбрать два направления: во-первых, перечислить проблемы, теоретически разрабатываемые *шастрой* и, во-вторых, изложить те выводы, которые могут возникнуть при чтении текстов у представителей другой, неиндустриальной культуры. Именно второе для нас наиболее важно, так как объясняет наш сегодняшний интерес к архаическому порождению другой культуры и создает предпосылки для творческого взаимодействия: для обогащения нашей российской культуры, пребывающей в особом культурном пространстве между западом и востоком, за счет ассимиляции ценностей или за счет переосмысления наших — с учетом других. Представляется целесообразным двигаться одновременно в обоих направлениях, перечисляя проблемы, высказывания по ним и собственные замечания.

Определяя проблематику «науки любви», невозможно полностью опереться на ее самоопределения, потому что они соответствуют уровню теоретического мышления III-XV вв. и грешат некоторыми несоответствиями. Если проанализировать те определения предмета *шастры*, которые даются Ватсьяной, и сравнить их с содержанием текстов, то можно сделать ряд выводов. Во-первых, *камашастра* является преимущественно описательной и практической дисциплиной, так как описывает различные способы получения чувственного наслаждения, «которое овладевает душой вследствие воздействия на соответствующие органы чувств: приятного звука, прикосновения, вида, вкуса или запаха»⁴. При таком понимании «науки любви» предметом ее рассмотрения должны были стать не только источники собственно сексуальных переживаний, но и все виды развлечений и искусств, различного рода азартные игры, имевшие широ-

⁴ Там же. С. 241.

кое распространение в Индии и также доставлявшие удовольствия. Однако этого не произошло, если судить по доступным нам текстам Ватсьяны и Кальянамаллы. Первый ограничивается перечислением 64 основных и 64 вспомогательных искусств, которым призвана обучить *камашастра*, причем вспомогательные нередко копируют основные.

В качестве главных Ватсьяна называет, во-первых, *кармашрая* — занятия, требующие определенных навыков и знаний: пение, танцы, музыку, описание различных провинций, красноречие, знание мер и весов, медицину, магию и умение показывать фокусы, психологию, умение делать прическу и ухаживать за волосами и т.д. Во-вторых, он приводит 20 искусств добывания денег: различные игры в кости, искусство заполучить с мужа деньги посредством правильных ответов, искусство получить выигранные деньги без потерь времени, правила содержания наготове птиц и животных для боев. Третий большой раздел включает 16 «искусств для спальни»: умение определять настроение партнера, умение выражать чувства, способы предложить себя, технику укусов и царапин, технику любовной игры, искусство увеличивать наслаждение, искусство получать и доставлять удовлетворение и т.п. Перечисление замыкает четвертый раздел, включающий 4 *уттаракала* — завершающих искусства: умение объясняться страстными словами; умение обронить чье-либо имя, чтобы заставить мужа воздержаться от путешествия; искусство следовать за ним, если разлуки избежать не удастся; искусство смотреть вслед, если он уезжает, не слушая просьб супруги. Только по некоторым из перечисленных «искусств» в тексте делаются наставления. Их тематика определяется целью *камашастры*: сделать человека счастливым в любви и научить его не отдаваться безрассудной страсти, господствовать над своими страстями. Темы, отобранные по названному критерию, и составляют специфический предмет учения о *каме*.

Поражает глубокое проникновение создателей *шастры* в поднимаемые ими проблемы, попытка учесть все составляющие

эротических отношений, их либеральное отношение к половой морали и легко читаемый жизнеутверждающий идеал человека. Для индуистского мировоззрения в целом, как и для других сформировавшихся на территории Индии видов религиозно-философских мировоззрений (например, буддийского), характерно понимание человеческой жизни как сплава страдания и наслаждения. *Камашастра* ориентирована на приятную сторону бытия и культивирует идеал человека деятельного, активно добывающегося счастья, а не послушно и пассивно страдающего. Страдать от неудовлетворенной любви не только неприятно, но и опасно: можно лишиться здоровья и жизни в настоящем и не обрести вечного блаженства после смерти. Поэтому деятельному человеку шаstra открывает больше возможностей для достижения желаемого, убеждая, что безнадежные случаи чрезвычайно редки и из многих нежелательных ситуаций можно найти выход.

Наличие в «науке любви» правил для женщин, дающих им возможность добиваться внимания и взаимности любимых не только в браке, но и вне него, позволяет говорить о присутствии индуизму скрытом либерализме половой морали, признающей полное равноправие женщины на подмостках любви и ее сексуальность. Эти отличительные особенности индуистской этики выступают наиболее впечатляющими на фоне полигамии и чрезвычайно низкого социального статуса женщины в традиционном индийском обществе и в сравнении с тем историческим фактом, что в Европе признание женской сексуальности появилось только в 60-е годы XX в. и стало главным результатом «сексуальной революции».

Полноты обзора тем *камашастры* мы сможем достичь, если проследим за логикой текстов данного жанра, а она всегда следует логике установления и развития отношений между влюбленными. Как правило, на первом месте после общеэтических рассуждений, в которых развиваются темы уже упоминавшихся нами трех жизненных целей, идут правила жизненного уклада богатых горожан, общие сведения о различных психофизиоло-

гических типах мужчин и женщин, об их возрастных особенностях и времени наибольшей сексуальной активности по лунному календарю — все эти знания могут понадобиться при определении стратегии завоевания избранного «предмета». В этих топиках внимание современного европейца могут привлечь две вещи: динамическая теория эрогенных зон и вывод о том, что если для каждого из четырех женских типов наиболее благоприятной является какая-либо одна из четырех частей суток, то мужчина готов к любви практически в течение всех суток. Теория эрогенных зон, которых уже древние индийцы насчитывали 15 и знали, таким образом, больше, чем отдельные европейцы сегодня, гласит, что возбуждение обходит за месяц тело кругом, двигаясь в темную половину месяца сверху вниз по левой половине тела, а в светлую — снизу вверх по правой его половине. Это значит, что искушенный знаток будет избегать в любовной прелюдии штампов хотя бы в течение месяца и начинать свои ласки с женщинами различных типов с разных зон, выбор которых определяется приведенным правилом.

Никаких особых запретов на союзы каких-либо определенных типов *камашастра* не накладывает, но предупреждает о возможных последствиях в случаях не очень подходящего выбора. Традиционно в состав названного рода текстов включалось «знание провинций», касающееся отнюдь не географических или этнографических особенностей, а сексуальных предпочтений и особенностей женщин, живущих там.

Вооружив таким образом своего адепта минимумом информации для выбора любимой или любимого, *шастра* переходила к ознакомлению со всевозможными средствами для покорения избранника. Поскольку любовь — чувство божественное, волшебное, то и добиваться ее можно любыми средствами: включая магию, ритуалы, *мантры* и молитвы, а не рассчитывая лишь на личное обаяние и физическую привлекательность. Например, в «Анангаранге» Кальянамаллы приводится описание редко встречающегося в литературе ритуала совместного поедания птички, укрепляющего взаимную любовь супругов (Анангаран-

га, гл. VII, шл.17-19). Как известно, при всем разнообразии форм брака, допускавшихся в индийском обществе (описанных отчасти и в сочинениях по рассматриваемой нами дисциплине), подавляющая их часть заключалась по соглашению родителей, а вовсе не по взаимной склонности молодых.

Часто будущие супруги видели друг друга впервые во время свадебного обряда. *Камашастра* должна была им помочь обрести в браке любовь, без которой он не мог быть полноценным.

Магическое же воздействие оказывают нанесенные различными составами на лоб точки и обводка глаз темной краской, рекомендуемая как женщинам, так и мужчинам (там же, шл. 2-16), применение всевозможных благовоний для различных частей тела и для воскурения в том месте, где разворачивается любовное действие.

Но вот взаимопонимание достигнуто, отношения установлены, и влюбленные остались, наконец, одни, причем в таком уединенном и специально приспособленном месте, в каком предписано *шастрой*. Как им следует вести себя далее, по науке? Им не следует торопиться, но нужно отнестись к получению удовольствия как к делу серьезному, требующему времени и обстоятельности. *Шастра* подробно расписывает сценарий их действий, давая при этом возможность для творческого выбора технических приемов, гарантированно приводящих к точке максимального наслаждения. Этот сценарий никак нельзя упрекнуть в несовершенстве или невыполнимости: в нем учтены все возможные способы ласк и доставления удовольствия партнеру через воздействие едва ли не на каждое нервное окончание. По сути, то, что происходит между партнерами в этот отрезок времени, представляет собой особого рода ритуал. В нем имеет место претворение в действительность одной из социальных ценностей и приобщение индивида таким образом к должному течению мировой жизни. Независимо от того, осознается эта сторона происходящего или нет, она дает человеку чувство морального удовлетворения и является источником особого интеллектуального удовольствия. Как всякое ритуальное действие,

совершение предписаний *камашастры* «вводит эмоционально-напряженные психологические состояния личности в определенные социокультурные рамки»⁵. На принадлежность любовного акта к ритуальным действиям указывает и то, что по правилам *шастры* он должен совершаться в атмосфере особой торжественности, создаваемой многообразными средствами. Единственным отличием его от собственно религиозных ритуалов можно считать отсутствие жесткой фиксации приемов на определенной ступени. Например, если на какой-либо стадии развития отношений согласно теоретическим предписаниям следует прибегать к определенным действиям, то технический прием может выбрать сам субъект. Кроме того, теоретики науки о *каме* понимали, как ненадежен может быть теоретический разум в ситуации, провоцирующей накал чувств, потому не навязывали людям диктата теории. «Настолько лишь простирается действие наук, — сознается Ватсьяяна, — насколько слабо чувство в людях; когда же колесо страсти пришло в движение, то нет уже ни науки, ни порядка»⁶.

Среди обязательных тем *шастры* — медицинские сведения о снадобьях, обслуживающих эротическую и репродуктивную сферу жизни, и о том, как их следует применять, а также этические предписания и психологические советы для замужних женщин и женатых мужчин, как организовать свою семейную жизнь, как построить отношения с другими женами и членами семьи и как можно искать любви вне брака, если в браке она не удалась. Этим целям у Ватсьяяны служат довольно большие разделы, объединяющие по нескольким главам: «Об обязанностях и привилегиях жен», «О связях с чужими женами» и «О куртизанках и их образе жизни».

Раздел о куртизанках есть и в «Анангаранге» Кальянамаллы. Присутствие в *шастрических* текстах информации о профессиональных жрицах любви подтверждает их существенную соци-

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. Статья «Ритуал».

⁶ Ватсьяяна Маланага. Камасутра. М., 1993. С.66.

альную роль в древнем и средневековом индийском обществе и серьезность отношения самого общества к сексуальной жизни. Как свидетельствуют исторические источники, сословие гетер (на санскрите, «вещья» «ганика») делилось на несколько категорий: куртизанок городских, дворцовых и храмовых. Их положение в обществе было довольно противоречивым: с одной стороны, их осуждали, с другой — превозносили. Ватсьяна сообщает: «Куртизанка, приятная нравом, наделенная красотой и другими достоинствами и овладевшая всеми искусствами, имеет право на почетное место среди мужчин. Царь ей выказывает расположение, ученые мужи ее хвалят, все домогаются ее милостей и относятся к ней почтительно»⁷. Социальный статус куртизанок обуславливался уровнем их доходов: чем выше доходы, тем больше уважения. Высокие доходы могла приносить только очень профессиональная работа, требующая специальной подготовки и, к тому же, физических данных и одаренности. Своеобразным признанием государственной важности области деятельности «жриц бога любви» было поощрительное отношение законодателей и чиновников к учителям и наставникам, отвечавшим за подготовку куртизанок.

Обзор тем «наука любви» позволяет нам сказать, что индуиста и неиндуиста она учила и учит несколько разным вещам, равно как и человека средневекового и нашего современника. Для нас важно, что и сегодня она нас учит, служит источником ценной информации о нас самих, о наших возможностях. Но главные ее уроки, на наш взгляд, состоят в проповеди оптимистической и активной жизненной позиции, в направленности на формирование внимательного и трепетного отношения к физической стороне любви, воспитание в каждом человеке установки на необходимость теоретической подготовки к важной и непростой сфере интимной жизни.

Знакомство с *камашастрой* наводит на размышление о том, что сексуальные отношения невозможно свести к одной физио-

⁷ Там же.

логии, что они — такая же часть культуры, как литература, музыка, философия. Они существуют в культурном контексте, в нем расцветают, им обогащаются. Можно сказать, что человек настолько способен любить, насколько хорошо он ассимилирован в культуре и насколько его внутренний мир духовно наполнен. Но одного этого качества было бы мало. Человек только тогда может обрести счастье в любви, если он сделает счастливым другого человека, если он не рассматривает его как средство для извлечения удовольствия, но видит в нем полноправного партнера, с которым можно двигаться к общей высокой цели. *Камашастра* говорит о том, что действительность можно организовать таким образом, чтобы она давала ощущение полноты жизни и подлинности существования, причем не вследствие отрицательных, но положительных переживаний. Всему этому, на наш взгляд, способна научить древняя «наука любви» современного европейца, уже достаточно искушенного во многих науках, но так и не научившегося быть счастливым.

ЛИТЕРАТУРА

Боги, Брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. М., 1969.

Бэшем Л. Чудо, которым была Индия. М., 1977.

Ватсьяяна Малланага. Камасутра /Перев. с санскрита / Сыркина А.Я. М., 1993.

Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1989.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982.

Anangarangaḥ. Mahakavi Kalyanamalla viracitah. Lahore, 1920; Benares, 1922. Kama sutra of Vatsyayena (Complete Tr. from the Original Sanskrit by S.S.Upadhyaya). Bombay, 1961.

